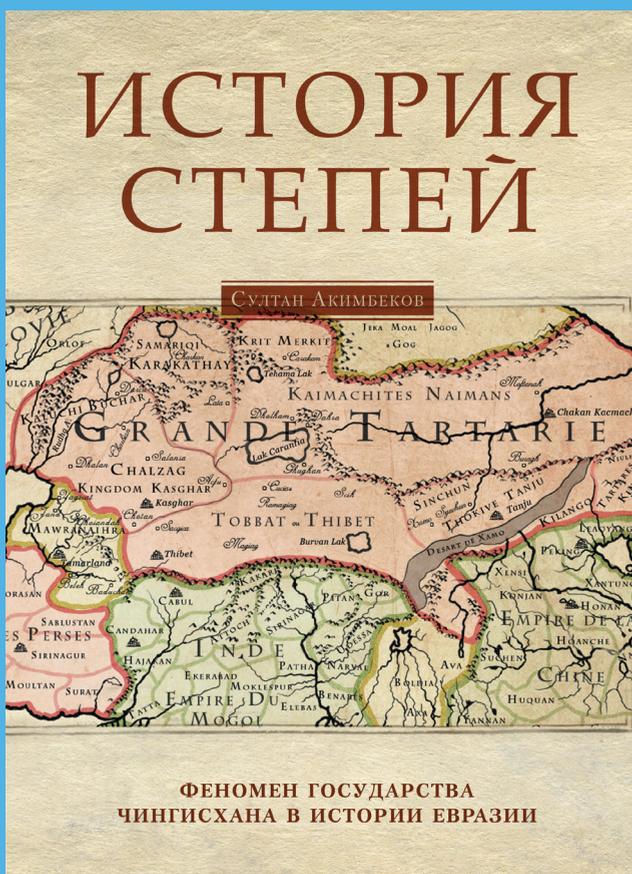

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Предисловие к четвертому изданию

Из книги Султана Акимбекова
«История степей:
феномен государства Чингисхана
в истории Евразии»

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Институт азиатских исследований основан в 2012 году в Алматы, Казахстан. Институт является частной независимой исследовательской организацией, специализирующейся на широком спектре вопросов международных отношений, безопасности, экономики и внутренней политики, имеющих отношение к азиатскому региону с акцентом на Центральную Азию. Институт видит свою миссию в том, чтобы с помощью создания качественного исследовательского продукта внести свой вклад в повышение качества интеллектуальной среды Казахстана.

СУЛТАН АКИМБЕКОВ

Султан Акимбеков родился в 1964 году. Автор книг «История степей» (2011, 2016, 2018 годы издания), «История Афганистана» (2015), «Казахстан в Российской империи» (2018), «Казахи между революцией и голодом» (2021). Работал главным редактором казахстанских журналов «Континент» и «Центр Азии», директором Института мировой экономики и политики. В настоящее время директор Института азиатских исследований в Алматы.

Содержание книги

«История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии»

Предисловие к четвертому изданию	5
Предисловие	10
<i>Идеология вопроса</i>	10
<i>Вызов для науки</i>	16
<i>Монгольская проблема</i>	39
<i>Кочевники Евразии</i>	44
<i>Структура работы</i>	49
<i>Примечания и библиография</i>	51
1 Накануне	53
<i>Древний Китай</i>	55
2 Степной мир	71
3 От киданей до монголов	122
<i>Кидани</i>	122
<i>Монгольский вопрос</i>	132
<i>В начале пути</i>	156
<i>Начало империи</i>	172
4 Война с империей Цзинь	191
5 Война с Хорезмом	204
6 Укрепление монгольской государственной традиции	239
<i>Правление Угедея</i>	251
<i>Поход на запад 1236–1242 годов</i>	266
<i>Правление Гуюк-хана</i>	277
<i>Правление Менгу-хана</i>	281
7 Кризис монгольской традиции управления	308
<i>Политический кризис на востоке империи</i>	308
<i>Политический кризис на западе империи</i>	316

8 Империя Юань	328
9 Улус Хулагу	344
10 Средняя Азия и улус Чагатай	358
11 Улус Джучи	380
<i>Становление государственности</i>	380
<i>Русский вопрос</i>	399
<i>Внешняя политика и транзит</i>	411
<i>Первый политический кризис</i>	424
<i>Период расцвета и начало кризиса</i>	433
<i>Политический кризис</i>	441
<i>Левое крыло улуса Джучи и государство Тимура</i>	448
<i>Тохтамыш, Мамай и Московское княжество</i>	455
<i>Улус Джучи: последний шанс</i>	469
<i>Улус Джучи: конец истории</i>	475
12 На обломках империи	481
13 От улуса Джучи к казахам, ногаям и узбекам	497
<i>Появление новой идентичности</i>	497
<i>Кризис в Средней Азии</i>	520
<i>Казахское ханство</i>	539
14 Ойраты, монголы, маньчжуры	557
15 Проблема образования казахских жузов	574
Заключение	602
Примечания	619
Опубликованные источники и литература	651
Индекс	659

Предисловие к четвертому изданию

С момента выхода первого издания «Истории степей» в 2011 году тиражом 3500 экземпляров прошло ровно 10 лет. За это время вышли второе издание в 2016 году (2500 экземпляров) и в 2018-м – третье (1500). Таким образом, общий тираж книги составил 7,5 тысячи экземпляров, и спрос на нее все еще сохраняется. В июне 2021 года были отданы на реализацию в книжную сеть «Меломан» последние 50 экземпляров третьего издания. Поэтому было принято решение выпустить четвертое издание тиражом 2000 экземпляров. Кроме того, в ближайшее время планируется также издание «Истории степей» на казахском языке.

Конечно, широкий интерес к этой книге связан со значительной актуальностью в современном Казахстане общей темы истории кочевых народов, одним из наследников которых являются казахи. Поэтому естественно, что книга о кочевниках Евразии привлекает такое большое внимание. Все-таки реализация за 10 лет научного издания тиражом в 7,5 тысячи экземпляров это очень

много для нынешнего состояния книжного рынка Казахстана.

Конечно, среди причин такого интереса читательской аудитории в Казахстане к «Истории степей» то, что в ней делается акцент на попытке ответить на, возможно, самый главный вопрос казахской истории, который связан с происхождением жузов. Для классического кочевого общества это весьма необычный и своеобразный социальный институт. Естественно, это сильно отличает казахскую общественную структуру от других кочевых народов за всю их долгую историю.

Собственно, сама идея написания этой книги возникла в связи с необходимостью поиска ответа на этот непростой вопрос. А для того, чтобы сделать это, необходимо было проследить ту цепь важных событий, которые и составляют как минимум последние 2000 лет истории степной Евразии и которые во многом определяют ее содержание. В этом смысле возникновение казахских жузов стало следствием многих событий, последовательность которых и привела в том числе к появлению социального феномена казахских

жузов. Это важно с учетом того, что в итоге казахи остались одним из последних крупных кочевых народов степной Евразии, а также в связи с тем, что они сегодня населяют все степные районы центральной Евразии, когда-либо занятые кочевыми племенами.

То есть если представить на условной карте, как на протяжении последних 500 лет территория, занимаемая кочевниками Евразии, все время сокращалась, сжималась вроде шагреновой кожи, то к началу XIX века относительно независимой и самостоятельной осталась только находящаяся в самом ее центре Казахская степь. В результате Казахское государство оказалось чем-то вроде завершающего аккорда в истории самостоятельных политических объединений кочевых народов Евразии.

В этом смысле «История степей» помещает историю казахского общества в контекст глобальных процессов, происходивших в степях Евразии. В книге раскрывается последовательность и внутренняя логика всех тех событий в этом стратегически важном районе, которые привели сначала к возникновению, потом к расцвету, а затем уже и кризису кочевой политической и социальной структуры.

Это важно, так как история кочевых народов степной Евразии обычно рассматривается по частям, она очень сильно сегменти-

рована. В первую очередь потому, что их история известна главным образом по трудам представителей соседних с ними оседлых народов. Кочевники либо вовсе не писали о своей истории, либо делали это эпизодически, в основном в тех ситуациях, когда они оказывались во главе оседлых обществ. В этом случае традиция написания истории кочевых предков фактически накладывалась на письменную традицию завоеванного аграрного государства. Для таких работ была характерна общая комплиментарность, как, к примеру, в классической работе Рашид-ад-дина «Тарих-и Рашиди», написанной при дворе монгольских правителей Ирана.

Но в целом представители аграрных государств – от Европы и исламского мира до Китая и Индии – писали о кочевниках не слишком позитивно. Для них вынужденное соседство с кочевыми народами было фактором серьезного риска и очевидным вызовом. На более позднем этапе жизни кочевого общества, когда аграрные государства уже обладали военным доминированием, последние оставшиеся кочевники были объектом исследования со стороны ученого сообщества. Интерес был связан как с политическими целями – там, где это еще имело значение, – так и с чисто научными задачами. Кочевое общество обладало очевидной спецификой

и вследствие этого представляло интерес для научного сообщества.

Кроме того, исследователям из оседлых обществ было любопытно, почему, собственно, кочевники так долго представляли самую серьезную угрозу для аграрных государств. Тем более что таким государствам в принципе было необходимо поместить кочевников в контекст своей собственной истории. Естественно, что это было весьма непросто с учетом того, что история (тем более официальная) всегда носит идеологический характер. В том числе поэтому история кочевников и была разделена на множество сегментов, имеющих отношение к истории разных аграрных государств, и была написана главным образом их историками.

В целом это был внешний взгляд на историю кочевых обществ, который часто исходил из политических и идеологических установок различных соседних оседлых обществ. Причем речь шла как о государственной идеологии и политике, так и о доминирующих настроениях среди широкой общественности таких государств.

В то же время сегментация восприятия собственной истории была характерна и для представителей кочевых обществ. В первую очередь это было связано с их мобильностью на огромных расстояниях, что наряду с отсут-

ствием собственной письменной традиции создавало условия для восприятия их истории в качестве отдельных фрагментов. Естественно, что внимание привлекали самые яркие фрагменты: например, Монгольская империя, движение огузов на Ближний Восток, наступления печенегов и кипчаков на Балканы и русские земли, а также многие другие.

Однако внутренние механизмы возникновения условий для возникновения таких ярких фрагментов в истории, те причины, которые создали возможным их появление, часто оставались за кадром восприятия событий. Почему, например, движение кочевых народов с самого начала нашей эры всегда шло с Востока Евразии на ее Запад и никогда – наоборот? Почему кочевники с Востока обычно имели военное преимущество над кочевниками с Запада? Почему и каким образом возникали те или иные объединения племен и почему они распадались? От чего зависела устойчивость племенных объединений в степных условиях?

Все эти очень интересные вопросы имеют прямое отношение к племенной структуре организации кочевого общества и к тому, каким образом она реагировала на внешние раздражители и в том числе внешние возможности. Разные племена объединялись и разъединялись под давлени-

ем обстоятельств, которые чаще всего были связаны с процессами в аграрных государствах и обществах. Особенностью кочевого общества степной Евразии было то, что очень часто это происходило стремительно.

Мобильность кочевников и племенная структура создавали условия для самых разных объединений племен в зависимости от возникающих перед ними политических задач. Но это автоматически усложняло ситуацию для любого исследователя. Потому что слишком часто было сложно выделить четкую линию последовательности произошедших событий с понятной причинно-следственной связью, которая обычно характерна для оседлых обществ. Для них обычно характерна весьма низкая степень мобильности как в плане перемещений в пространстве, так и в контексте социальных изменений. Поэтому здесь всегда можно проследить преемственность, что весьма затруднительно в случае со степными кочевниками.

У кочевых обществ основной организационной единицей является та или иная родо-племенная единица – от собственно рода, как объединения ближайших родственников, до союза племен, который приобрел свою собственную идентичность. Кочевники могут позиционировать себя на любом уровне этой родо-племенной пи-

рамиды и это не будет вызывать у них внутренних противоречий с самоидентификацией. Но сама такая пирамида может создаваться и затем распадаться в случае изменения конъюнктуры, например, при перемещении на большие расстояния. При этом отдельные ее части способны создать новые объединения в новых условиях из более мелких родо-племенных единиц. Так происходило с теми кочевыми объединениями аваров, гуннов, венгров, болгар, которые когда-то осуществляли завоевания в Восточной Европе.

Если кочевое объединение оказывалось устойчивым и переходило к новой модели организации в рамках оседлого общества (как это было у венгров, болгар или, к примеру, огузов в Иране и Малой Азии), то память о родо-племенной структуре сохранялась только в виде культурной традиции. Но если сохранялся кочевой образ жизни, то оставалась и родо-племенная структура, которая несла в себе следы всех предыдущих трансформаций.

К примеру, это очень характерно для современного казахского общества. При общей казахской идентичности в его родо-племенной структуре хорошо заметны следы всех предыдущих трансформаций, которые происходили в центральной части степной Евразии на протяжении столетий. Названия разных казахских родов

и племен вполне отражают произошедшие изменения. Современное казахское общество по сути завершило цикл этих трансформаций, оно включило в свой состав многих родственных друг другу кочевников Евразии и заняло большую часть степных пространных в центральной ее части.

Но противоречивость ситуации связана с тем, что не совсем понятно, каким образом происходили все указанные трансформации. Условно говоря, от кипчаков к монголам, от монголов к тюркоязычным племенам улуса Джучи (Золотой Орды) и улуса Чагатая, от последних к ногайцам, узбекам, казахам, моголам. И, в конце концов, каким образом произошла трансформация всех тех, кто жил в степях центральной Евразии, в казахский народ. Сегодня это самый крупный из современных народов, тесно связанных своим происхождением с кочевыми народами из истории Евразии.

В этом смысле весьма сложный родо-племенной состав казахского народа, появившийся в процессе упомянутой выше многовековой последовательной трансформации кочевых народов и племен центральной Евразии, объективно служит препятствием в изучении истории. В определенном смысле это отражает внутреннее сегментирование казахской истории. Потому что помимо общей исторической линии происхождения народа

есть еще и много локальных линий, которые напрямую влияют на общее восприятие его истории. К примеру, как объяснить, почему в составе родо-племенной структуры казахского общества много названий племен явно монгольского происхождения?

К примеру, очевидно, что монгольское слово *восемь* (найман) в свое время в исторической Монголии означало союз восьми племен. Очень похожая ситуация с племенными названиями *дулат*, *джалаир*, *аргын*, *конрат* (*хунгираты*) – так назывались племена во времена становления империи Чингисхана. В казахской истории это названия местных племен, но в истории Монголии и Монгольской империи это названия исторических монгольских племен. В результате возникает почти неразрешимое противоречие. Каким образом эти племена мигрировали на территорию Казахстана? А если допустить, что они мигрировали, то почему они оказались тюркоязычными?

С учетом роли родо-племенной традиции в общественном сознании казахского народа это один из тех вопросов, которые приводят к сложнейшим дискуссиям. Казахское общество, по сути, балансирует между идентичностью на общенациональном и родо-племенном уровне. Между прочим, это противоречие отражается в ходе дискуссий о происхождении казахских

жузов. В последней главе этой книги как раз и предлагается вариант ответа на этот очень важный для казахской истории вопрос.

В общественном мнении часто используется формула, что «казахи не делятся на жузы, а состоят из них». Указанная фраза довольно часто встречается в комментариях. Особенно много их в очень интересной программе «Дорога людей», где мое интервью о происхождении жузов к лету 2021 года набрало 1 млн. 90 тыс. просмотров. Очевидно, что такое высказывание отражает стремление части общества подчеркнуть общенациональную идентичность и одновременно выделить значение родо-племенной традиции. Кроме того, она выражает некоторые опасения относительно общей идентичности, что, как им кажется, требует защиты.

В целом, сегментация исторического знания, как наследие более раннего исторического времени, плюс частичная сегментация казахского общественного сознания, обусловленная родо-племенной культурной традицией, служат препятствием к созданию общей линии истории казахского общества. В принципе такая линия должна быть внутренне не противоречива с научной точки зрения и обязана предложить логичную интерпретацию казахской истории, включая все произошедшие трансформации.

В книге «История степей» как раз и сделана попытка представить такую линию развития событий в степной Евразии и по соседству с ней, которая через ряд важных трансформаций привела не только к возникновению на определенном этапе казахского народа, но и включению в его состав многих других кочевых народов центральной части степной Евразии. Для этого очень важна интерпретация уже известных фактов для представления относительно целостной картины происходивших событий.

В этой связи очень интересно замечание, сделанное греческим историком Дионисием Статакопулосом относительно истории Византийской империи: «Восточная империя из-за своего географического положения и исторических условий развития оказалась зажатой между западнохристианскими странами и миром ислама и враждебной по отношению к обоим, а после ее краха не осталось какого-либо национального государства (из чего следует, что она была лишена покровительства какой-либо национальной историографии), поэтому она все еще остается обширным, но одновременно неудобным пространством для интерпретации». С некоторыми поправками это вполне можно отнести и к истории кочевников Евразии, а значит, и казахской истории.

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Республика Казахстан, Алматы, ул. Валиханова, 137а. кв. 36.

Тел. (727) 291-08-55.

E-mail: officeasiakz.com, www.institute.asiakz.com